

Отзыв официального оппонента
д.и.н., проф. А.В. Подосинова
на диссертацию Данилочкиной Ксении Сергеевны
«Северные границы Римской Британии II в. н.э.: роль и назначение
Вала Адриана и Вала Антонина»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертационное исследование К.С. Данилочкиной посвящено важной и интересной проблеме – устройству и значению двух уникальных и грандиозных пограничных валов в Римской Британии – Адрианову и Антонинову валам, построенным во II в. н.э. Это исследование имеет монографический характер, поскольку затрагивает все стороны сложного процесса установления северной границы Римской империи в Британии, а поскольку такого комплексного исследования до сих пор практически не проводилось (см. обзор историографии на стр. 15–24 диссертации), новизна и актуальность этой работы безусловны.

Работа имеет три главы, вполне логично содержащие – 1-я глава все про устройство и организацию границы, 2-я глава про стратегический, административный и идеологический смысл создания такой границы и 3-я глава о взаимодействии культур в пограничных районах провинции. Работа содержит также ожидаемые в диссертации Введение, Заключение, Список источников и литературы, а также Приложение, в которое входят карты, иллюстрации с монетными изображениями и таблицы, содержащие информацию о фортах, располагавшихся вдоль двух валов.

Во Введении К.С. Данилочкина показывает, почему проблема фронтиров, которой посвящена диссертация, актуальна как для античности (вспомним рейнско-дунайский лимес в Центральной Европе, Траяновы валы в Дакии, Африканские валы), так и для последующих периодов и культур, вплоть до современности.

Комплексный характер работы определяется и составом источников, с которыми работает диссертант. Прежде всего это литературная традиция (сочинения Цезаря, Страбона, Тацита, авторов «Жизнеописаний Августов», Вегеция, «Итинерарий

Антонина», римских поэтов Горация, Вергилия, Марциала, Клавдия Клавдиана, а также некоторых средневековых авторов). К.С. Данилочкина отдает себе отчет в том, что сведения литературной традиции неравнозначны по их достоверности и полноте информации об интересующем ее объекте, а также учитывает особенности каждого источника. Вторым ценным источником являются надписи, найденные на территории Британии и за ее пределами. В диссертации используются также данные нумизматики и археологии. Последняя приобретает особое значение ввиду ограниченности литературных свидетельств, и автор демонстрирует прекрасное владение археологическим материалом.

Во Введении, помимо подробного анализа историографии проблемы (библиография диссертации насчитывает ок. 300 работ), также ставятся задачи исследования, которые представляются мне весьма актуальными, значительными и важными для понимания всей ситуации с валами, границей и положением приграничных территорий. Особо отмечу, что автор диссертации не ограничивается лишь территорией Британии, но привлекает сравнительный материал других областей Римской империи.

Положительное впечатление производит первая глава, подробно рассказывающая о строительстве валов, когда они были построены, как они были устроены с технической и логистической точек зрения (возникает впечатление, что автор сама была там и прошла вдоль обоих валов), кто их строил, каковы размеры стен самих валов и их фортов и т.д.

Попутно у меня возник вопрос, для чего ширина каменных стен валов была трехметровой? Насколько я понимаю, местные, полудикие племена севера Британии, против которых строились валы, не могли иметь осадной стенобитной техники, чтобы пробивать стены, как это было в войнах между противниками, стоящими на одном уровне военной организации. Пример – оборонительные валы в Крыму (Узунларский, Асандров, Тиритакские и некоторые другие), которые боспорские цари строили против набегов кочевников из крымских степей. Там важно было остановить натиск орды всадников, не обладавших стенобитными сооружениями, поэтому и валы были соответствующие. Это был ров с земляным валом, укрепленными проездами и однотипными башнями-фортами. Ширина вала у основания достигала 20 м, глубина рва — около 5 м, высота вала (от дна рва) — 7-8 м. Этого было достаточно, чтобы остановить всадников.

Кстати, и Антонинов вал, как его описывает диссертант, состоял по большей части из каменного основания и дерновых блоков или из земли, облицованной глиной (с. 67). К.С. Данилочкина объясняет это, вслед за Ником Ходжонсоном, необходимостью

спешного строительства укреплений; но возможно, большего и не нужно было строить против атак местных племен, что стало, вероятно, понятно после строительства Адрианова вала, о чем пишет и сам диссертант: «...Само наличие стены... могло дополнительно удерживать потенциальных противников от нападения, особенно если противник не имеет профессиональной армии и навыков строительства осадной техники, штурма крепостей и т.п.» (с. 94).

Кстати, в диссертации нигде не рассказано о военном деле местных северо-британских племен, против которых строились валы, хотя предполагаю, что археологи и историки располагают материалами для его характеристики. Представляется, что это могло бы быть важным для понимания устройства самих валов.

О «натиске из горных областей Шотландии» (по выражению диссертанта), который было главной причиной создания валов, мы тоже ничего не узнаем, кроме того, что он был. Вероятно, мы не так много знаем из литературных источников, как этот натиск производился.

Но, вероятно, главной особенностью диссертации, ее новаторской стороной является тезис, что «решение о строительстве валов было в большой степени обусловлено идеологическими причинами. Стены должны были показать, что римляне надежно обосновались на этой земле и не собираются с нее уходить», и что создание валов было вызвано «намеренной демонстрацией силы», а также стремлением императоров укрепить собственный авторитет в римском обществе.

Вторая глава как раз и посвящена этому вопросу, как следует из ее названия «Адрианов и Антонинов валы: имперская практика и идеология». Здесь автор констатирует, что «конечно, контроль и защита могли быть главными функциями этой укрепленной линии, но некоторые детали говорят о том, что они не были единственными. Сооружение несет и статусную символику, отражая желание императора увековечить свое имя... Другой идеологической задачей была демонстрация мощи Рима жителям провинции и ее соседям». Даже строительство новой стены – Антонинова вала – по мнению К.С. Данилочкиной, «имело не только прагматическое значение, но и стало символическим выражением мощи Рима и демонстрацией его власти», «имело дополнительный символический смысл, который **едва ли не превалировал** (выделено мной. – А. П.) по сравнению с прагматическим» (с. 16–107).

На фоне этих высказываний (см. также с. 101 и 171) иногда начинает казаться, что огромная работа по строительству уникальных (как пишет диссертант) валов от моря до моря (Адрианов вал имел в длину 117 км), а вдоль них фортов (на Адриановом валу их было 27!), милевых кастелей (80!), сигнальных башен (ок. 160!), мостов, ворот и дорог, и работа по размещению и содержанию там римских легионов (8–9 тысяч солдат), так вот – трудно поверить, что вся эта многозатратная работа должна была производиться в основном, исходя из этих символических и идеологических побуждений (см. на с. 171: «идеологическая причина создания границ кажется в большей степени превалирующей над прочими»). В это верится с трудом, но, если бы мы не видели большого практического смысла в строительстве этих валов, то пришлось бы, скрепя сердце, с этим выводом согласиться.

Но и диссертант признает, что до возведения вала Адриана было весьма сложно удерживать линию обороны от нападающих местных жителей, отсюда и строительство вала, которое инициировал император Адриан. «Обустройство укрепленных границ на севере было следствием военной ситуации в регионе, поскольку именно в этой части острова римляне столкнулись с наибольшими проблемами во время завоевания: местные племена оказывали особенно сильное сопротивление, и именно эта часть острова в течение долгого времени была для римлян местом, которое не удавалось сделать подконтрольным». С этим следует согласиться, и если это обстоятельство считать главным при сооружении границы, то идеологическая составляющая при этом выглядит вполне разумно как дополняющая главную.

Дэвид Бриз в 2018 г., как пишет К.С. Данилочкина, (с. 78), выдвинул 21 причину строительства таких сооружений; из них 4 сформулированы следующим образом: 17) риторический элемент 18) символ для запугивания врагов 19) монумент, посвященный императору (в случае Адриана) 20) акт символического строительства. Очевидно, эти четыре причины и послужили для диссертанта стимулом рассмотреть и эту составляющую строительства валов, что она успешно и осуществила.

В этой же главе речь идет о том, как эти валы должны были выполнять функции по контролю и защите территории Римской империи в далеких завоеванных Римом провинциях. Подробно анализируется и обстановка в этой буферной зоне, где местные обитатели соприкасались с римлянами и происходила «романизация» местного населения в бытовой, культурной, военной и политической сферах. (Да простит меня диссертант за

употребление термина «романизация», который в последнее время британские ученые сочли не отражающим сути явления (см. с. 5), хотя на с. 108 К.С. сама употребила этот термин в его традиционном смысле). По справедливому мнению диссертанта, буферная зона была «пространством интеграции различных культур» (с.110).

Интересным и новым представляется анализ ситуации на территории между двумя стенами – это вопрос, который недостаточно исследован в современной историографии (с. 111–131). К.С. Данилочкина считает, что новые границы, в которых оказывались местные племена, могли повлиять на их существование, на их юридический статус, на учет и сбор налогов, на разделение местных общин, находящихся теперь по разные стороны границы, на статус бывших вождей общин и т.д.

В 3-й главе «Провинциальные границы и взаимодействие культур» проводится подробный анализ инфраструктуры, образовывавшейся вокруг «стены, которая была линией соприкосновения разных культур и разных видов социальной организации» (с. 132). Многие выводы здесь основаны на материалах археологических раскопок на территориях, прилегающих к валам, а также на анализе табличек из Виндоланды, дающих большую информацию о военной, социальной и частной жизни населения этого форта и соседних с ним.

Интересной представляется раздел о роли ветеранов, которые, уйдя с военной службы, становились частью гражданского населения, расширяя среди местного населения сферу влияния римской культуры (с. 141–144). Проблемы развития романо-бриттской культуры в аспекте административного устройства провинции, соотношения центра и пограничья, административного управления валами также подробно рассмотрено в этой главе.

Заканчивается диссертация описанием образа Британии, запечатленного в римской литературе и представляющего динамическую картину – от восприятия ее чуть ли не как другого материка, отделенного от Европы океаном, отдаленным краем мира (как это виделось римским поэтам) до реалистического описания ее территории, когда Британия стала римской провинцией (с. 149–167). Здесь же анализируются свидетельства о дикости и варварстве населяющих Британию племен, – мнение, которое стало *locus communis*, клише во всей античной литературе. По справедливому мнению диссертанта, «литературная традиция стала одним из важных факторов восприятия Британии

римлянами и, соответственно, формировала идеологическую подоплеку происходившего на острове и вокруг него» (с. 157).

Большое «Заключение» (с. 168–174) поводит итог всей работы, в ясной форме излагая основные выводы; можно согласиться с последней фразой диссертации о том, что «изучение границ Римской Британии в середине ее существования именно в статусе провинции позволяет лучше понять взаимодействие между империей и территориями, которые она делала своими, а также теми, которые она своими сделать не смогла».

Достоинством работы я считаю «честность историка», не позволяющая делать категорические выводы, если источники не дают для этого твердых оснований. Гипотетичность разных мнений, взглядов и теорий неоднократно подчеркивается диссертантом.

К сожалению, текст диссертации не лишен опечаток. Из мелочей: на стр. 117 жителей Ирландии (Hibernia) не следует называть иберами, которые живут в испанской Иберии.

Жаль, что нигде не отмечается, кто автор цитируемых переводов античных и средневековых авторов; предполагаю, что все переводы – вполне точные – принадлежат самому диссертанту, тогда об этом уместно было бы сообщить в начале работы.

Приложения к диссертации, о которых шла речь выше, представляются полезными для понимания текста и визуализации содержания.

Публикации К.С. Данилочкиной в полной мере отражают содержание работы, как и автореферат диссертации.

Несмотря на некоторые прозвучавшие замечания, должен признать, что диссертация представляет собой законченное комплексное исследование актуальной и сложной проблемы.

Все вышеизложенное позволяет мне сделать вывод, что диссертация «Северные границы Римской Британии II в.н.э.: роль и назначение Вала Адриана и Вала Антонина», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история, соответствует критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и ее автор,

Данилочкина Ксения Сергеевна, заслуживает присуждения ей степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Официальный оппонент

доктор исторических наук (07.00.03 – Всеобщая история)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета

Александр Васильевич Подосинов

«8» сентября 2025 г.

Адрес места работы:

119192, г. Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Сайт: <http://hist.msu.ru>

Тел.: 7(495)939-35-66; e-mail: faculty@hist.msu.ru

Подпись А.В. Подосинова заверяю

И.о. декана исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

академик РАО, профессор

Л.С. Белоусов